

«ДЕЛО» ПРОФЕССОРА Н.И. УЛЬЯНОВА (1904–1985 гг.)

Рассматриваются причины ареста в 1936 г. профессора Ленинградского университета Николая Ивановича Ульянова и характер выдвинутых против него обвинений. Приводятся неизвестные ранее факты, относящиеся к научной и педагогической деятельности Н.И. Ульянова в первой половине 1930-х гг.

Ключевые слова:

Йельский университет, Ленинградский университет, репрессии 1930-х гг., советская историография, Н.И. Ульянов.

Среди русских эмигрантов «второй волны» имя профессора Ленинградского и Йельского университетов (США) Николая Ивановича Ульянова – историка, публициста, автора 12 написанных в эмиграции книг¹ и нескольких исторических романов² принадлежит к числу ключевых. Однако главным его трудом, принесшим ему широкую известность в сегодняшней России, стало вышедшее в 1966 г. исследование «Происхождение украинского сепаратизма» (М., 1966). Не удивительно, что интерес к жизни и творчеству Н.И. Ульянова весьма велик, о чем свидетельствует появление в постперестроечные годы работ [2; 4; 5, с. 129–132; 7; 13, с. 129–132].

Задача данной работы – на основе впервые вводимых в научный оборот материалов архивно-следственного дела Н.И. Ульянова 1936 г. из архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также ряда других архивохранилищ прояснить обстоятельства, связанные с одним из самых тяжелых и запутанных периодов жизни ученого – исключение из партии, увольнение с работы и, наконец, арест и отправка в концлагерь. Но начать все же следует не с ареста, а с обозначения основных вех научно-административной карьеры Н.И. Ульянова.

Родился он 23 декабря 1904 г. в Санкт-Петербурге. Отец – слесарь-водопроводчик, мать – уборщица. Трудовую деятельность начал в 1917 г. подручным водопроводчика. С 1923 г. студент Петроградского университета, исторический цикл которого успешно окончил в 1927 г. [16, л.1об.] Еще в 1925 г. Н.И. Ульянов, посещал семинар академика С.Ф. Платонова, читавшего в то время (правда, последний год) курс в университете, и представил ему свое исследование «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI–XVII веках». Труд получил лестный отзыв маститого ученого [11, с. 113]. Однако работать под руководством Платонова он не мог, так как в соответствии с поли-

тикой Наркомпроса того времени, подготовка ученых-историков должна была осуществляться только в Москве в Институте Красной профессуры и в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (ИИ РАНИОН). Так ученик С.Ф. Платонова в одночасье оказался в аспирантуре главной кузницы кадров историков-марксистов в Москве. В 1930 г., после окончания аспирантуры Института истории РАНИОН (в 1929 г. ставшего Комакадемией), Н.И. Ульянов был направлен на работу в качестве доцента кафедры народов СССР Северо-Западного Комвуза (г. Архангельск). Здесь он написал работы «Октябрьская революция и гражданская война в Коми-области» (Архангельск, 1932 г.) и «Очерк истории народа Коми-зырян» (Л., 1932).

Несмотря на небольшой объем последней книги (180 с.) автор представил достаточно полную и объемную марксистскую картину истории этого народа с древнейших времен до участия Коми в «борьбе за социализм». Кроме того, в 1931 г. в Харькове в серии «История народов СССР» вышла в свет его популярная брошюра «Разинщина».

К периоду пребывания Н.И. Ульянова в Архангельске относится появление его обзора «Исторических материалов о Кольском полуострове, хранящихся в Московском древлехранилище», вышедшего в свет в 1930 г. [12, с. 20–261]. Работу эту, судя по всему, он проделал по поручению Северной комиссии АН СССР еще в период своего обучения в аспирантуре РАНИОН в Москве. В Архангельске в 1931 г. молодой «ученый-марксист» был принят кандидатом в члены ВКП(б).

В начале 1933 г. Н.И. Ульянов переезжает в Ленинград. С 1 мая 1933 г. он доцент кафедры Истории России и народов СССР Ленинградского института Истории и Лингвистики (ЛИЛИ), преобразованного вскоре в Институт истории философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Диплом Комакаде-

мии и партийность Н.И. Ульянова открыли перед ним помимо ЛИФЛИ и двери ряда других научных учреждений Ленинграда: Историко-археографический институт АН СССР, исторический факультет ЛГУ, Военно-политическая Академия им. Толмачева.

С преподавательской работой в Военно-политической Академии связано появление в 1934 г. подготовленных Ульяновым двух учебных пособий для ее слушателей: «Феодалная Русь и усиление Москвы» и «Московское феодальное государство XVI в.». В том же 1934 г. в Горьком выходит еще одна работа Н.И. Ульянова – «Хроника действий Волжско-Каспийской военной флотилии» за 1918–1920 гг.».

Из работ исследовательского характера этого времени обращает на себя внимание большая статья Н.И. Ульянова (3 п.л.) «Феодалная колонизация и экономика Мурман в XVII в.», напечатанная в «Историческом сборнике» за 1934 г., издаваемом Исторической комиссией АН СССР. На основе большого документального, в том числе и архивного материала, автор показывает рыночный характер экономики этого региона, «В России XVII в., – отмечает он, – мы знаем немало крупных случаев производства на рынок, даже на заграничный, но таких, когда бы хозяйство целой большой территории связало теснейшим образом свою судьбу с торговым капиталом и притом на протяжении столетий – немного. Среди этих немногих явлений Мурман – самое яркое и замечательное» [10, с. 138–139]. В основу исследования легла, как надо полагать, уже упоминавшаяся студенческая работа Н.И. Ульянова, которую его так хвалил академик С.Ф. Платонов. Два других крупных исследования ученого, подготовленных им для исторического сборника – его статьи: «Национально-освободительное и Панфинское движение в Карелии» и «Политические воззрения Б.Н. Чичерина», остались неопубликованными и едва ли сохранились. Научные интересы Н.И. Ульянова, связанные с Ленинградским университетом отражает подготовленный им по поручению кафедры истории народов СССР сборник документов «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII в.» (Л. 1935).

Ко времени прихода Н.И. Ульянова на кафедру ЛИЛИ (первоначально она называлась кафедрой истории России и народов СССР, позже – истории народов СССР) из старых ученых «платоновской» школы здесь работало только двое: Б.Д. Греков и М.Н. Мартынов. Прочие же преподаватели: В.П. Викторов, А.К. Дрезен, А.И. Ма-

лышев, К.В. Нотман, В.В. Мавродин, Е.С. Лейбович, М.М. Цвибак, Исаак Моисеевич Троцкий (не путать с Иосифом Моисеевичем – сотрудником Публичной библиотеки) представляли собой т.н. «марксистское направление» в исторической науке. Заведующий кафедрой Андрей Ильич Малышев был учеником М.Н. Покровского. Член ВКП(б), выпускник (1929 г.) Института Красной профессуры. Почти сверстник Н.И. Ульянова (он родился в 1902 г. в крестьянской семье) А.И. Малышев был тесным образом связан с Ленинградским отделением Коммунистической Академии (ЛОКА), занимая там ответственную должность заместителя директора Института Истории. Развернувшаяся после убийства 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова, кампания по обезвреживанию «троцкистско-зиновьевского охвостья» больно ударила по ЛОКА. Пострадал и А.И. Малышев. 19 января 1935 г. он был уволен из ЛИФЛИ [17, л. 13], а затем как оппозиционер и вовсе выслан из Ленинграда.

В тот же день на его место и.о. зав. кафедрой истории СССР был назначен Н.И. Ульянов [16, л. 14].

«Кафедра, – констатировал он, – выступая на партийном собрании ЛИФЛИ 25 января 1935 г., – оказалась в самом неблагоприятном положении. У нас арестованы Цвибак, сняты Нотман и Малышев. Мы имеем меньшевика Балабанова, мы имеем старого эсера Мартынова. Слабо проверены Троцкий и Греков». Обвинив своего предшественника в «явном попустительстве» троцкистам, проповедовавшим на факультете «теорию второго закрепощения» Н.И. Ульянов заявил далее, что решение ЦК о преподавании гражданской истории 1934 г. «было ошибочно воспринято на факультете, как оттепель на историческом фронте и как поворот к голым фактам» [18, л. 14]. А это, дескать, не так. Несомненно, это был звездный час Н.И. Ульянова.

Насколько готов был этот еще сравнительно молодой человек со светлыми волосами и тихим интеллигентным голосом к своей новой и весьма ответственной роли, сегодня сказать наверняка, конечно же, нельзя. Но определенной популярностью в студенческой среде он все же пользовался. Иногда студенты видели Н.И. Ульянова прогуливающимся по университетской набережной с женой и белым пуделем. «Он очень привлекал наши сердца и манерой, а главным образом своей любовью и знанием предмета, – вспоминал о нем Г.М. Дейч. – Особенно хороши были его спецсеминары. Он заставлял каждого студента сделать по

докладу, а затем устраивал настоящие дискуссии. Эти дискуссии всегда проходили удивительно интересно. К его таланту преподавателя прибавлялось еще очень теплое отношение к студентам, преподавателям факультета. Вообще Ульянов не без основания считался одной из самых ярких звезд ученого, административного и, что особенно удивительно, партийного мира». Историк-ударник, молодой советский ученый, воспитанник советской высшей школы, наконец, коммунист, активный общественник – таково было общественно-политическое лицо Н.И. Ульянова этого времени.

15 ноября 1935 г. он был утвержден ВАК временно исполняющим обязанности профессора по кафедре истории СССР с обязательной, впрочем, защитой им докторской диссертации в течение двух лет [16, л. 16]. Однако новоиспеченному профессору, которому шел всего 32-й год, было не до диссертации. К этому времени над ним сгустились тучи, причем подвела его, на первый взгляд, чистая случайность. Но это только на первый. В условиях инициированной властью «классовой борьбы на историческом фронте» эта была вполне закономерное, можно даже сказать, запрограммированное развитие событий. А началось все с того, что 7 ноября 1935 г. в юбилейном номере институтской многотиражки «За пролетарские кадры», посвященном очередной годовщине Октябрьской революции появилась статья Н.И. Ульянова под весьма многозначительным названием «Советский исторический фронт» [14, л.1].

«До знаменитого постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе, – писал Н.И. Ульянов, – наша советская историческая наука быстро шла к своему вырождению. Благодаря левацким элементам засевшим в Наркомпросе, вокруг истории была создана атмосфера пренебрежительности и презрения, мотивированная неутилитарным характером этой науки. В такой атмосфере она могла только чахнуть, но не развиваться». Воздав должное деятельности историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским в их борьбе с буржуазной историографией, «этой злобно шипящей псевдонаукой», которую они «беспоощадно топтали», Н.И. Ульянов резонно отметил далее, что далеко не все то, что «объяснимо и простительно во время напряженной борьбы, может поощряться после того, как борьба кончилась». Забвение этой истины учениками М.Н. Покровского, которые и «после битвы» по-прежнему орудут «шпагой и мечом», с явным

ущербом для науки как раз и явилось, по его мнению, причиной кризиса.

Сейчас нам трудно судить о подлинных причинах явного «ляпа» новоиспеченного профессора-марксиста, пришедшего к парадоксальному выводу о вырождении, к которому якобы быстро шла советская историческая наука во времена М.Н. Покровского и о необходимости прекращения борьбы на «советском историческом фронте». Как объяснял этот «ляп» сам Н.И. – об этом чуть позже. Наша версия состоит в том, что он написал все же то, что думал.

Злополучная публикация появилась 7 ноября, а уже 14 ноября за помещение в газете этой «антипартийной статьи» партком ЛИФЛИ объявляет ему строгий выговор. Василеостровский райком ВКП(б), который должен был утвердить это решение, счел, однако, его слишком либеральным и 27 ноября 1935 г. исключил Н.И. Ульянова из партии [15, л.16]. Для него это был страшный удар, так как в тот же день 27 ноября 1935 г. его отчислили и из института ввиду обнаружения пропаганды им «контрреволюционных троцкистских идей» [16, л. 15]. Последним лучом надежды для Н.И. Ульянова оставалось оперативное вмешательство в его «дело» Ленинградского областного комитета партийного контроля. Слишком уже очевидными были нелепость и надуманность предъявленных ему обвинений и явная несоизмеримость его «проступка» с последовавшим наказанием. «Что касается фразы о прекращении борьбы на историческом фронте – писал он в своей апелляции в КПК, датированной 30 ноября 1935 г., – то я не мог всерьез ее произнести, хотя бы потому, что сам являюсь активным участником борьбы с одной буржуазно-троцкистской концепцией (т.н. вторичного закрепощения) и делал весной доклад на эту тему». Не забыл упомянуть Н.И. Ульянов и о своих научных заслугах (за 2,5 года работы в ЛИФЛИ им были написаны 3 статьи по три печатных листа каждая, одна из которых опубликована) и, конечно же, о своем пролетарском происхождении [15, л. 16]. Как бы то ни было, апелляция возымела действие, и решение о его исключении отменили. Однако помочь Н.И. Ульянову это уже не могло. Шел 1936 г. и судьбу человека решали не партийные структуры, а органы НКВД. 2 июня он был арестован и из партии его пришлось вновь исключить, уже по факту ареста – 23 июня 1936 г.

Задержан Н.И. Ульянов был у себя на квартире (5-я линия Васильевского острова, д. 22, кв. 6), где согласно материалам

дела, проживал вместе с женой Ниной Ивановной Смородиной, 30-ти лет, сотрудницей Государственного Эрмитажа и сыном Сергеем, 6-ти месяцев [1, л. 11–12]. Таким образом, имеющаяся в литературе версия о том, что будто бы непосредственно перед арестом Н.И. Ульянов развелся с женой и женился на своей любовнице – выпускнице Московского I медицинского института Надежде Николаевне Калнишь [3, с. 217], не соответствует действительности.

Формальным основанием для ареста послужили показания арестованных ранее коллег Н.И. Ульянова – бывшего директора Историко-археографического института АН СССР Семена Григорьевича Томсинского [1, л. 20–35], бывшего директора Института истории Комкадемии Григория Соломоновича Зайделя [1, л. 43–75] и Израила Моисеевича Меламеда [1, л. 36–42], из которых следовало, что еще в 1933 г. он был завербован одним из них – проф. С.Г. Томсинским – в некую нелегальную троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную организацию в Ленинграде. Фактически же дело его было прямым продолжением событий, разыгравшихся в родном для него ЛИФЛИ, в связи с появлением его злополучной статьи «Советский исторический фронт» и последовавшими в связи с этим, оргвыводами, о чем уже шла речь.

Первый допрос Н.И. Ульянова состоялся 4–5 июня 1936 г. [1, л. 13–15] Провел его оперуполномоченный 3-го отделения СПО Половнев.

«В. (вопрос). Кого Вы имеете знакомых из троцкистов?»

О. (ответ). Бывший директор института истории Томсинский, Горловский (выслан), Фендель, Малышев (осужден в январе 1935 г.), Зайдель, Цвибак (работает в Ташкенте), Нотман (выслан).

В. Укажите характер знакомств и связей среди троцкистов.

О. Связи с ними носили чисто служебный характер.

В. Какие разговоры политического характера вели Вы с Томсинским?

О. Повторяю, что связи с ним у меня были чисто служебного характера, и с ним разговоры на политические темы я не вел.

В. Следствию Вы говорите неправду. Вы имели постоянное общение с Томсинским, помимо служебных связей; вели разговоры контрреволюционного характера. Следствие предлагает Вам сказать правду.

О. Нет. Разговоры контрреволюционного характера и вообще разговоры на политические темы я с ним не вел».

Такого же рода ответы дал Н.И. Ульянов и на вопросы следователя о характере своих связей с Г.С. Зайделем [1, л. 15] и Меламедом [1, л. 17]. Что касалось якобы «неправильных» формулировок из его статьи «Советский исторический фронт», то появление их Н.И. Ульянов объяснил следователю своей небрежностью и халатностью из-за усталости и переутомления («писал урывками и не имел возможности перечитать написанное») [1, л. 15].

Уверенно «держал удар» Н.И. Ульянов и на допросе 31 августа 1936 г. [1, л. 20–20 об.].

«В. Следствие располагает данными, что Вы являлись участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Вы признаете это?»

О. Нет, категорически отрицаю.

В. Вы говорите неправду. Показаниями Томсинского С.Г. от 10 июня 1936 г. Вы изобличены как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Давайте правдивые показания по существу предъявленного обвинения.

О. Еще раз заявляю следствию, что ни в какой контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации я не участвовал.

В. Вы все время пытаетесь давать ложные показания, скрывая свою и других лиц контрреволюционную деятельность. Как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации Вы изобличаетесь также показаниями Зайделя Г.С. от 2.6.1936 г. Мы еще раз настаиваем на даче Вами правдивых показаний.

О. Показания Зайделя Г.С. о моем участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации я категорически отрицаю.

В. В своих показаниях от 4 июня 1936 г. Вы подтвердили Ваши связи с рядом активных участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Отрицая контрреволюционный характер этих связей Вы пытаетесь обмануть следствие в контрреволюционных целях, скрываете свое участие в организации. Показаниями Меламеда И.М. от 10 июня 1936 г. также подтверждаются обстоятельства Вашей контрреволюционной деятельности. Еще раз предлагаю Вам говорить правду.

О. Как в своих показаниях от 4–5 июня 1936 г., так и сейчас я отрицаю контрреволюционный характер моих связей с известными мне лицами. Показания же Меламеда И.М. о моей контрреволюционной деятельности, я также отрицаю» [13ф, л. 25 об.]

Решительное отрицание Н.И. Ульяновым своей причастности к мифической организации С.Г. Томсинского и отсутствие

у следствия каких-либо серьезных доказательств его причастности к ней, видимо все же сыграли такую роль. Во всяком случае, если сначала Н.И. проходил по делу С.Г. Томсинского и других (дело № 20362), что грозило ему если не расстрелом, то очень серьезным сроком, то после его показаний, когда выяснилось, что его «контрреволюционная деятельность» непосредственной связи с контрреволюционной деятельностью остальных членов организации не имеет, его все-таки выделили в самостоятельное делопроизводство за № 242606 (архивное №330042). Собственно, это его и спасло.

Как явствует из Заключения по делу Н.И. Ульянова, утвержденного 9 октября 1936 г. замначальника УНКВД ЛО комиссаром госбезопасности 3-го ранга Николаевым, в ходе следствия, было установлено, что в своей деятельности Н.И. Ульянов «руководствовался установками Томсинского, с которым вел ряд бесед контрреволюционного характера по вопросам положения на философском и историческом фронтах в СССР, а также разделял установки Томсинского о необходимости противодействия ЦК ВКП(б) в его борьбе с троцкистско-буржуазной контрабандой в исторической науке», что собственно и позволило предъ-

явить ему обвинение по статье 58–10–11 УК РСФСР и направить дело на рассмотрение Особого совещания коллегии НКВД СССР [1, л. 79 об.]. Состоялось оно 15 октября 1936 г. и постановление его гласило: «Ульянова Николая Ивановича за контрреволюционную троцкистскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет, начиная со 2 июня 1936 г. Дело сдать в архив» [1, л. 83].

Освободившись 2 июня 1941 г. из Норильского лагеря, Н.И. Ульянов с началом войны и в силу ряда личных обстоятельств до Ленинграда вовремя добраться не сумел. Оказавшись, в конце концов, в оккупированном немцами Пушкине, он вместе с Надеждой Николаевной Калниш, которой суждено было стать его второй женой, был вывезен осенью 1943 г. немцами в качестве оstarбайтера в Германию. После окончания войны, в 1947 г. из лагеря для перемещенных лиц, при содействии Международной организации по делам беженцев, сумел перебраться в Марокко, а уже оттуда в Канаду (Монреаль), затем, в октябре 1955 г., в США. С 1956 по 1973 гг. Н.И. Ульянов был профессором Йельского университета (Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Умер он 7 марта 1985 г.

Список литературы:

- [1] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-71288 (Н.И. Ульянов, 1936 г.).
- [2] Багдасарян В.Э. Историография Русского зарубежья: Н.И. Ульянов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 151 с.
- [3] Багдасарян В.Э. Н.И. Ульянов // История и историки. Историографический вестник. – М.: Наука, 2001.
- [4] Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании // Сфинкс. – СПб., 1995. – № 1.
- [5] Брачев В.С., Лавров А.С. Н.И. Ульянов – историк России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 1993, вып. 4 (№ 27). – С. 129–132.
- [6] Дейч Г.М. Воспоминания советского историка / Послесл. Б.И. Колоницкого. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 242 с.
- [7] Дурновцев В.И. Жизнь, творчество и судьба Н.И. Ульянова // Вопросы истории. – 1994, № 4.
- [8] Израилевич Л. Молодой историк-ударник // За пролетарские кадры. – 1935, 4 января.
- [9] Израилевич Л. Н.И. Ульянов // За пролетарские кадры. – 1935, 22 января.
- [10] Исторический сборник / Ред. коллегия: акад. В.П. Волгин, Б.Д. Греков, С.Г. Томсинский, И.М. Троцкий. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934–1936. (Труды Исторической комиссии Академии наук СССР). I. Волгин, В.П., ред. I. – 1934. – 360 с.
- [11] Платонов С.Ф. Проблема Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. 35. – Л., 1929.
- [12] Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XV–XVII вв. – Л., 1930. – С. 20–26.
- [13] Терюков А.И. Н.И. Ульянов и его «Очерки истории народа Коми-зырян» // Деятели русской науки. Сб. ст. – Вып. 2 / Отв. ред. Э.И. Колчинский. – СПб., 2000. – С. 173–184.
- [14] Ульянов Н. Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. – 1935, 7 ноября.
- [15] ЦГА ИПД СПб. Д. № 162412 (Личное дело Н.И. Ульянова).
- [16] ЦГА СПб. Ф. 9470 (ЛИФЛИ). Оп. 2. Д. 1679 (личное дело Н.И. Ульянова).
- [17] ЦГА СПб. Ф. 9470. Оп. 2. Д. 1012 (Личное дело А.И. Малышева).
- [18] Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГА ИПД СПб.). Ф. 5063. Оп. 1. Св. 1. Д. 2 (Протоколы общих собраний парторганизации ЛИФЛИ, 1935).

¹ «Северный Тальма», Вашингтон, 1964; «Диптих», Нью-Йорк, 1967; «Свиток», Нью-Хейвен, 1972; «Скрипты», Анн Арбор, 1989 и др.

² «Атосса», Нью-Йорк, 1962; «Сириус», Нью-Хейвен, 1977.